

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.....	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. АПОЛОГИЯ АСТРОЛОГИИ ДО XI ВЕКА....	22
ГЛАВА 2. СТЕФАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ И «ТЕМНЫЕ ВЕКА» (VII–VIII ВВ.)	50
ГЛАВА 3. ФИЛОСОФЫ ЭПОХИ «ПЕРВОГО ВИЗАНТИЙСКОГО ГУМАНИЗМА» (IX–X ВВ.)	91
ГЛАВА 4. ЭПОХА МИХАИЛА ПСЕЛЛА И АННЫ КОМНИНЫ.....	154
ГЛАВА 5. МАНУИЛ I КОМНИН И XII ВЕК.....	184
ГЛАВА 6. ПОСЛЕДНИЙ ВИЗАНТИЙСКИЙ РЕНЕССАНС.....	229
БИБЛИОГРАФИЯ	285

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Отрадно осознавать, что русский перевод книги выдающегося византиниста Пола Магдалино все же нашел свой путь к читателю. Путь этот был сложен и непрост, как не проста и сама книга о византийской астрологии, в том числе и для перевода.

В ее основу легли лекции, прочитанные Магдалино в Париже. Это обстоятельство сказалось не только на языке книги, но и на ее стиле. Британский исследователь здесь словно состязается с французскими коллегами, историками интеллектуальной жизни Византии, и потому работает в привычном французской науке дискурсе, где красота мысли ценится не меньше ее глубины. В русской научной традиции такой регистр, пожалуй, отсутствует, и потому мы предпочли сосредоточиться в первую очередь на передаче идей автора, а не красот его языка. Тем не менее читатель, надеемся, почувствует уникальный авторский стиль, который рождался в результате сплава научной дискуссии, анализа источников и поиска их места в интеллектуальном мире Византии.

Книга Пола Магдалино — не справочник по византийской астрологии. Это, как было сказано, исследование интеллектуальной жизни Византии и места астрологии в ней. Автор не пересказывает средневековые гороскопы и не разбирает методы их составления, но пытается проследить, как астрология, вместе с астрономией и «математикой», искала оправдания своему существованию в насквозь христианизированной империи. Пред нами предстают анонимные ученые и багрянородные императоры, ученые епископы и светские интеллектуалы, монахи и военные, которые пытаются осмыслить степень дозволенности астрологии в предсказании будущего и в общей системе наук. Через эти попытки

Магдалино и описывает противоречивую историю византийской астрологии, переживавшей, подобно небесным телам, свои взлеты и падения.

Как уже было указано, большую роль в книге играет научная дискуссия касательно персон и идей византийской астрологии. Поэтому мы сохранили ту форму научного и ссылочного аппарата, которым пользовался автор, лишь несколько адаптировав ее для лучшего понимания русским читателем. Все греческие тексты, цитируемые в книге, переведены нами заново, иногда с добавлениями небольших пассажей, опущенных Магдалино. Исправлены также опечатки оригинального издания, и для удобства читателя добавлена рубрикация глав.

В заключение хотелось бы сказать слова благодарности всем, кто помогал в работе над переводом книги. Ее научным редактором должен был стать Артемий Стрелецкий, и, хотя наше сотрудничество не состоялось из-за срыва сроков и творческих разногласий, мы благодарны ему за указания на ошибки в нашем переводе. Огромное спасибо следует сказать и Льву Луховицкому, который стал научным редактором книги и внес в ее перевод много ценных исправлений. Наконец, особая благодарность команде «Страдающего Средневековья» и издательству АСТ, которые добились выхода настоящей книги в свет.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Византийская астрология мало изучалась с момента создания *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum* век тому назад. Во второй половине XX в. только покойный Дэвид Пингри продолжал труды Ф. Болля, Ф. Кюмона и их соратников, пока Анна Тион в последнее время не заинтересовалась изучением астрономических данных византийских гороскопов. Но Пингри, как и создатели «Каталога», занимался историей рецепции древней астрологии, что заставило его проследить те сложные пути, которые нескольким античным текстам пришлось пройти по персидскому, индийскому и арабскому Востоку, прежде чем привлечь внимание греческого и латинского Средневековья. Притом Пингри был почти единственным, кто осознавал интеллектуальную ценность астрологии как неотъемлемой части античного наследия византийцев. Другие византилисты, высказывавшиеся по поводу этого наследия, либо презирали его, либо пренебрегали им. В 1989 г. Ванда Вольска-Конюс все еще не решалась признать, что Стефан Александрийский, последний философ Античности, мог быть астрологом и алхимиком. Однако такие сомнения очень полезны для переоценки как личности Стефана, так и оккультной науки в Византии вообще.

Для этой переоценки приоритетными остаются исследования филологического и технического плана: иными словами, когда дело доходит до астрологии, новое поколение должно продолжить работу Дэвида Пингри. Ему предстоит опубликовать множество неопубликованных текстов и уточнить связь греческих текстов с арабской традицией. Но ждать, пока эта филологическая и издательская работа будет завершена, дабы начать обсуждение материала, означает обречь тексты на молчание, ибо лишь в живом контек-

сте они могут обрести свой голос, чтобы привлечь внимание исследователей. Невозможно точно понять их значение и оценить важность этих текстов, если хоть приблизительно не представлять условия их бытования: тех людей, более или менее ученых, которые их писали и использовали; тех заказчиков, более или менее влиятельных, которые их читали и платили за них ученым; и, прежде всего, тот образ мысли, который поощрял и оправдывал деятельность астрологов, в общем и целом осуждавшуюся господствующей идеологией. Работа специалистов может застопориться, если ее не оживить терапией.

Византийская астрология привлекла мое внимание двадцать пять лет тому назад, так как один из самых выдающихся византийских императоров, Мануил I Комнин, подвергся сильной критике, публично защищая ее. Впоследствии она снова заинтересовала меня потому, что, на мой взгляд, давала ключ к пониманию интеллектуальных течений при дворе другого интересного и загадочного императора — Льва VI, единственного, кого потомки прозвали Мудрым. Именно поэтому придворные астрологи так занимали меня в 1997 г., когда я был приглашенным исследователем в Четвертой секции Высшей школы практических исследований. Настоящая книга — итог этой работы. Она дважды обязана своим существованием Жаку Лефору, который не только пригласил меня прочесть такой курс, но и стимулировал развитие моих взглядов на византийскую астрологию, а в конце концов предложил опубликовать их в серии «Византийские реалии». С тех пор он с замечательным терпением ждал завершения рукописи, за что я ему очень благодарен.

Настоящая книга основана на моем курсе лекций 1997 г., однако их текст был в значительной степени пересмотрен и расширен в ходе развития моих идей, углубления познаний и появления новых публикаций. Я выражаю свою признательность всем, кто прямо или косвенно помогал мне в этом процессе: публике, которая слушала меня, а иногда и реагировала на семинарах и конференциях в Йорке, Оксфорде, Сент-Эндрюсе, Кембридже и Дамбартон Оуксе; сотрудникам

библиотек Сент-Эндрюса, Дамбартон Оукса и Института Варбурга в Лондоне; другим людям, с которыми я обсуждал различные аспекты своих астрологических интересов. Я особенно хотел бы отметить Моссмана Руэше, Анну Тион, которая держала меня в курсе своих работ, и Марию Мавруди, которая любезно прочитала завершённую рукопись.

Наконец, самое главное, я хочу поблагодарить тех, без кого книга вышла бы позже и с большим числом недостатков. Британская академия, предоставив мне существенную поддержку (Research Readership), освободила меня от преподавания на два года, благодаря чему я смог углубиться в данную тему и расширить в нескольких местах ее источниковую базу, а главное, добавить новую главу, которая не была предусмотрена первоначальным замыслом. Красимира Плачкова подвергла весь текст строгой стилистической и языковой правке, часто игнорируя мои протесты, «чтобы он стал более читаем». Таким образом, если окажется, что труд Тельца закончен под благоприятным аспектом, то это во многом благодаря Близнецам.

Эта книга посвящена памяти Дэвида Пингри, который скончался 18 ноября 2005 г.

ВВЕДЕНИЕ

Византия представляла себя как Римскую империю, доведенную до совершенства благодаря торжеству христианской правды над эллинскими заблуждениями. Конечно, она не могла обойтись без последних: от крестьянского фольклора до высокого богословия, православие средневекового греческого Востока опиралось на мощный слой тех представлений, практик и методов, которые были унаследованы от языческой древности. Тем не менее эллинизм выжил ценой того, что согласился на рабское положение и никогда не поднимал головы. Любой, кто хотел заняться греческой *пайдеей*, должен был сначала объявить ее ложной и чуждой.

Статус астрологии внутри византийского эллинизма был одним из самых сложных. Действительно, она сохранила от своих халдейских и египетских истоков ту тщательно культивируемую экзотику, которая придавала ей большую привлекательность, но одновременно и связывала ее с неверным врагом на Востоке, будь то сасанидская Персия или мусульмане. Несмотря на то, что астрология была глубоко интегрирована в греческую мысль, как стоическую, так и аристотелевскую, из-за своего фатализма и суеверий она вызывала множество опасений морального плана еще задолго до восприятия ее христианством¹. Законодательный запрет на астрологию окончательно был утвержден при Диоклетиане, страстном защитнике традиционной римской религии². Что касается Церкви, ее позиция была ясна: христиане не должны ни практиковать искусство, которое

---

¹ См. в общем BOUCHÉ-LECLERCQ, *Lastrologie grecque*; CRAMER, *Astrology in Roman Law and Politics*.

² CJ IX, 18, 2; ср. FÖGEN, *Die Enteignung der Wahrsager*.

отрицает свободную волю и приписывает звездам функции божественного Провидения, ни искать у него совета. Очень быстро Отцы Церкви отказались от всякого астрологического смысла в стихе книги Бытия о сотворении светил (1, 14)³ и отнесли редкие проявления астрологии в истории спасения к тому этапу, который предшествовал полному раскрытию истины. Так были объяснены халдейская наука Авраама⁴, египетская наука Моисея⁵ и, самое проблематичное, поклонение волхвов (Мф 2, 1–12), предупрежденных о рождении Господа звездой, которую они уверенно и точно истолковали⁶.

Астрология, искусство тонкое и изысканное, поднимала гадание то до уровня религии, то до уровня науки, легко приспособляясь к нуждам медицины и магии. Из-за этого она была слишком опасна, чтобы ее признала власть, которая претендовала на то, что получает свой авторитет прямо с небес. Поэтому астрологи больше, чем другие ученые, предпочитали находиться в тени. Если астрология стала и осталась

---

³ Быт. 1, 14: Καὶ εἶπεν ὁ Θεός· γενηθήτωσαν φωστῆρες ἐν τῷ στερεώματι τοῦ οὐρανοῦ εἰς φαῦσιν ἐπὶ τῆς γῆς, τοῦ διαχωρίζειν ἀνὰ μέσον τῆς ἡμέρας καὶ ἀνὰ μέσον τῆς νυκτός· καὶ ἔστωσαν εἰς σημεῖα καὶ εἰς καιροὺς καὶ εἰς ἡμέρας καὶ εἰς ἔνιαυτούς («И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времён, и дней, и годов»).

⁴ Авраам предстает как астролог у JOSEPH FLAVIUS, *Antiquitates judaicae* 1.158–161, и EUPOLEMUS, которого вместе с Иосифом цитирует EUSEBIUS, *Preparatio evangelica*, IX. 16, 17, 18, ed. transl. E. DES PLACES, SC 369, Paris, 1991, p. 232–241; ср. также CLEMENS ALEXANDRINUS, *Stromata*, V 8, ed. A. LE BOULLUEC, transl. P. VOULET, SC 278, Paris, 1981, p. 36–39, comm. A. LE BOULLUEC, p. 58–59.

⁵ Деян. 7, 22; Филон и Климент уточняют, что эта «пайдейя» включала в себя астрологию: PHILO ALEXANDRINUS, *De vita Mosi*, I–II, ed. transl. R. ARNALDEZ — C. MONDÉSERT — J. POUILLOUX — P. SAVINEL, Paris, 1967, p. 155. Цель этого утверждения — сделать Моисея предшественником греческих философов.

⁶ См. BOUCHÉ-LECLERCQ, p. 611–613; MOLNAR, *The Star of Bethlehem*; G. DORIVAL, *L'astre de Balaam et l'étoile des mages, La science des deux*, GYSELEN ed., p. 93–111; O. Ricoux, *Les mages à l'aube du chien, ibid.*, p. 219–232.

реалией византийского мира — что хорошо прослеживается на протяжении всего Средневековья, за исключением XIII в., — то это можно объяснить скорее практикой, чем теорией, а именно теми услугами, которые она оказывала, а не тем учением, которое проповедовала. Конечно, существовал ряд нюансов, но в целом картина выглядела так.

Однако примечательно, что нам известны по крайней мере два момента, когда приверженцы астрологии решились на попытку оправдать ее. Безусловно, наиболее известен инцидент XII в., во многом за счет того, что инициатива исходила от императора Мануила I Комнина и сразу же вызвала враждебную реакцию, отзвуки которой мы находим у великого историка того времени Никиты Хониата. Напротив, предыдущие попытки, начиная с VIII в., не привлекли к себе внимания. Речь идет о двух коротких трактатах, по крайней мере один из которых — псевдоэпиграф. Они не оставили заметных следов в истории того времени, и поэтому современные исследователи византийского «возрождения» пренебрегли ими. Тем не менее содержащаяся в них апология имеет новаторский характер.

Императорское и церковное законодательство поздней Римской империи недвусмысленно запрещало астрологию. Но вот в уменьшившейся и воюющей Византии «темных веков», в обществе ветхозаветного духа, пронизанном идеей ортодоксии и занятом полемикой о поклонении иконам, астральная дивинация породила совсем другую апологию. Эту апологию более разнородная и сложная культура поздней Античности сформулировать не осмелилась — во всяком случае такая формулировка не дошла до нас.

Как объяснить такой поворот событий?

Цель нашего исследования — углубить историческое значение этой византийской попытки обелить астрологию, представить ее легитимной и соответствующей христианскому вероучению. В последующих главах мы попытаемся проследить происхождение, судьбу, контекст и влияние ключевой идеи, содержащейся в трактатах высокого Средневековья.

Идея состояла в том, что изучение небесных тел с целью расшифровать их значение для людей — это древняя и уважаемая наука или даже благочестивый труд, который прославляет Творца, исследуя Его творения.

Откуда взялась такая идея? Анализ текстов позволяет нам сделать вывод, что апология астрологии была сформулирована на Востоке христианскими учеными, работавшими по заказу первых халифов-Аббасидов. Но если такая апологетика в столь развитой форме и возникла из ранней арабской науки, то аргументы, которые она использует, куда древнее. И апологетика, и арабская наука восходят к школам христианской Александрии, особенно к их последнему великому представителю — Стефану. Изучение всех данных об этой фигуре позволяет сделать вывод, что он не просто преподавал астрологию в рамках квадривиума (четырёх математических наук: арифметики, геометрии, музыки или гармонии и астрономии), но и был приглашен из Александрии в Константинополь императором Ираклием во многом благодаря своим астрологическим умениям. На своей новой преподавательской должности в столице Стефан участвовал в создании того, что модно назвать официальной культурой космического синтеза. Она была идейной параллелью к той «мировой войне», которую Ираклий вел против Персидской империи и которая должна была закончиться с уничтожением одной из воюющих сторон — в любом случае, с концом истории. В этой космической драме конца времен, наряду с христианскими пророчествами, сыграло свою роль одно из предсказаний по звездам, мастерами которых считались персы. Это предсказание не только способствовало пропаганде войны, но и сформировало видение мира, который начнется после окончательной победы ромеев. Вот та перспектива, которую представляет нам византийская литература около 630 г.: видение гармоничной Вселенной, которую проработало до мельчайших деталей высшее Провидение и которую согласно интерпретируют все науки. Видение, очень благоприятное для христианизации астрологии, но быстро омраченное арабскими завоеваниями и крахом религиозной

политики Ираклия. Миротворческий универсализм уступает место полемике об антропоцентрической ортодоксии. На кафедре у Стефана Александрийского не было преемников, но тем не менее он оставил учеников и книги, а астрология сохранилась даже в Константинополе. Память о великом философе, который соединял христианскую веру с научной эрудицией, позволяющей углубить космические симпатии, сохранилась в следующих поколениях.

Около 800 г. апология астрологии, порожденная развитием арабской науки, знаменует собой не только возрождение древнего знания, но и возвращение легендарного философа. В ученой культуре первой половины IX в. доминируют две фигуры из интересующей нас области: Иоанн Грамматик и Лев Математик. Тем не менее их деятельность подвергалась угрозе из-за их приверженности иконоборчеству, которое, на наш взгляд, было интеллектуальным течением, происходящим из натуралистической и символистской концепции божественного творения и сознательно исключаящим антропоморфизм. Хотя они не оставили свидетельств об основах своего научного мышления, их можно найти в трудах ученика Льва Математика Льва Хирсфакта. Они особенно проявляются в его богословской поэме, где монотеизм игнорирует Воплощение и Церковь ради интеллектуального гнозиса, призывая к познанию Бога через научное чтение небес. Этому аниконическому «сциентизму» противостоит «гуманизм» вполне ортодоксального Фотия. Именно эта гуманистическая и риторическая тенденция и будет преобладать в долгосрочной перспективе, несмотря на благосклонное отношение к астрономии и астрологии при дворе Льва VI Мудрого (886–912). Тем не менее преподавание математических наук было прочно восстановлено. Астрологией продолжают заниматься: в XI в. она обогатилась благодаря контактам с арабским миром и по-прежнему привлекала внимание таких великих ученых, как Михаил Пселл и Симеон Сиф. Однако к теоретическому обоснованию астрологии не решались вернуться до тех пор, пока император Мануил I Комнин не освятил такое предприятие авторитетом

императорской власти. Новая апология астрологии, которую он произносит под своим именем, свидетельствует о серьезности интеллектуальных притязаний астрологов в Константинополе XII в. В свою очередь, резкий ответ Михаила Глики показывает, что позиция православных ученых не желала колебаться даже при прямом вмешательстве императора. Необходимо было дождаться распада византийской картины мира в XIV в., чтобы византийские ученые смогли снова открыто заявить о связи между макрокосмосом и микрокосмосом.

Настоящее исследование — не история византийского богословия или науки — оставим их специалистам. Наши рассуждения будут лавировать между этими дисциплинами, действуя за рамками обеих. Если они породят некоторые идеи, которые специалисты сочтут полезными, тем лучше. Главная же цель в том, чтобы предложить неспециалистам свое прочтение истории византийской культуры, которое, выходя за пределы обычных категорий, познакомит их с малоизвестной и, возможно, неожиданной Византией. Нас интересует то значение, которое византийцы придавали миру природы, в частности миру небесному. Таким образом, наше исследование продолжает исследование Генри Магвайра, посвященное изображению земного мира в ранневизантийском искусстве⁷. Со стороны естественных наук мы приходим к аналогичному выводу — что богословие иконы заменило собой созерцание Вселенной как проявления созидательной работы Божества, торжественному прославлению которой были посвящены христианское искусство и экзегеза до VII в. Последствия этого для византийского искусства довольно хорошо известны — для научного мышления они никак не меньше.

Мы знаем, что последнее не блистало в Византии по сравнению с соседними цивилизациями: сначала исламской, а затем, начиная с XII в., — латинским Западом. Но объяснение этого уникального факта не столь очевидно, особенно если учитывать, что из этих трех культур именно Византия

---

⁷ MAGUIRE, *Earth and Ocean*, passim.

была прямой наследницей научной традиции древности. Тексты Аристотеля, Птолемея, Галена, Евклида с самого начала имелись в библиотеках Константинополя, и там необходимости их переводить не было. Заманчиво видеть в этом слишком легком доступе к античной науке тот путь, который завел византийцев в интеллектуальный тупик. Им не хватало жадности до знаний: обычно не хочется открывать то, что, как кажется, уже открыто. Византинисты слишком привыкли упрекать византийских литераторов в том, что те держались буквы греческих классиков, пренебрегая их духом. Заметим, что, действительно, занятия риторикой и филологией, за очень немногими исключениями, сильно занимали самых ярких эрудитов-ученых. В этом отношении Византия подхватила и даже усилила ту доминирующую черту греко-римской культуры, эволюция которой со времен софистов уже предпочитала слово в ущерб идее. Но было ли увлечение риторикой причиной или следствием этого научного тупика?

Вряд ли можно ответить на этот вопрос, не разобравшись с неудобной ролью византийского православия. Особенно если учесть, что в Константинополе государство, религия и культура взаимопроникали друг в друга до такой степени, до какой никогда не доходили полицентричные миры ислама и Запада. Однако религия не обязательно была враждебна научным исследованиям, иногда она даже поощряла их. Так, историки науки признают, что научный процесс Нового времени изначально был глубоко вдохновлен религиозным мышлением и, прежде всего, благочестивым любопытством касательно изучения замысла Творца при создании мира⁸. Но с того момента, когда православие определило себя как почитание образа воплощенного Слова, именно этой связи между космологией и теологией и стало не хватать Византии. Тот, кто может видеть человеческое лицо Бога и познавать

---

⁸ M.-D. CHENU, *La théologie au XIIIe siècle*, Paris, 1976; R. FRENCH — A. CUNNINGHAM, *Before Science: the Invention of the Friars' Natural Philosophy*, Aldershot, 1996, гл. 3–4; P. HARRISON, *The Bible, Protestantism and the rise of natural science*, Cambridge, 1998.

божественные энергии, действующие через Его святых, больше не нуждается ни в знаках, ни в символах. Они дело людей, отвергающих истину, «эллинствующих» пантеистов или политеистов и «иудействующих» (включая мусульман), которые отрицают обожествление человека через Воплощение и Воскресение Христово. Когда у православного христианина отпала нужда рассуждать об уже открытой истине, наметилась та линия, которая ведет от Торжества православия в 843 г. к осуждению Иоанна Игала от имени православия в 1082 г. Это осуждение знаменует собой поворотный момент, в результате которого Византия фактически отказывается от разработки схоластического метода, который на Западе способствовал научной революции.

В своем исследовании я постараюсь показать, что к этому отказу готовились уже в IX в., когда космология Второго иконоборчества потерпела неудачу. Но в то же время я хотел бы продемонстрировать, что эта неудача никоим образом не была предопределена развитием ранневизантийской культуры. Напротив, в VI–VII вв. диалог между богословием и космологией был очень плодотворен. Арабская наука — тому доказательство, ведь путь передачи знаний из Александрии в Багдад проходил через Византию в широком смысле этого слова. Другими словами, пути науки пролегли через эллинизированный Ближний Восток, который христианизовал неоплатоническую вселенную и транслировал аристотелевскую философию в культуру христиан из не-греков. Конечно, столица империи не была центром этой деятельности, но, тем не менее, она не была чужда ей, ведь временно стала центром Александрийской школы благодаря пребыванию здесь Стефана Александрийского. Действительно, астрологи при иконоборческом дворе помнили об этом и вдохновлялись этим, когда чувствовали необходимость конкурировать со своими коллегами из Багдада.

Вот, в общих чертах, та история, которую я намереваюсь изложить, проследив судьбу астрологии в Византии с VII по XIV в. Но поскольку речь идет об интеллектуальной жизни вообще, а не только о технических деталях науки, можно